

«ВОСПОМИНАНИЕ СПАСЁТ ЧЕЛОВЕКА!»:
ПО ПОВОДУ ЗНАЧЕНИЯ ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА
В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Общеизвестно, что описания природы в творчестве Достоевского очень скудны. Тем не менее у писателя встречаются некоторые незабываемые для читателей изображения русской жизни, связанные с природой, с деревней: это воспоминания Вареньки о своем деревенском детстве в «Бедных людях», это небольшой рассказ Ивана Петровича о жизни в селе Васильевском в «Униженных и оскорбленных», это автобиографическое описание природы и детства самого писателя в рассказе «Мужик Марей». Все они, несомненно, связаны с переживаниями Федора Михайловича в детстве в Даровом и передаются через призму воспоминаний персонажей или повествователя.

В творчестве Достоевского почти не существует объективных описаний природы. Они чаще всего пронизаны романтической или сентиментальной эмоцией персонажа или повествователя. Варенька пишет: «Солнце светит кругом яркими лучами, и лучи разбивают, как стекло, тонкий лед. Светло, ярко, весело! В печке опять трещит огонь; подсядем все к самовару, а в окна посматривает продрогшая ночью черная наша собака Полкан и приветливо махает хвостом. Мужичок проедет мимо окон на бодрой лошадке в лес за дровами. Все так довольны, так веселы!... Ах, *какое золотое было детство мое!*.. Вот я и расплакалась теперь, как дитя, увлекаясь моими воспоминаниями. Я так живо, так живо всё припомнила, так ярко стало передо мною всё прошедшее, а настоящее так тускло, так темно!.. Чем это кончится, чем это всё кончится?» (1; 84, курсив наш – Т. К.).

В этих словах Вареньки мы отметим два общих аспекта, относящихся ко всем воспоминаниям у Достоевского: с одной стороны, прошедшая жизнь на лоне природы

представляется *золотой*, с другой стороны, настоящая жизнь – *тусклой* и *темной*. Контраст между этими двумя сторонами свойствен ситуации воспоминания у Достоевского.

Герой-повествователь Иван Петрович в «Униженных и оскорбленных», осознавая близость смерти, припоминает прошедшую жизнь в деревне так: «Что за чудный был сад и парк в Васильевском, где Николай Сергеевич был управляющим; в этот сад мы с Наташей ходили гулять, а за садом был большой, сырой лес, где мы, дети, оба раз заблудились... *Золотое, прекрасное время!* Жизнь сказывалась впервые, таинственно и заманчиво, и так сладко было знакомиться с нею» (3; 178, курсив наш – Т. К.).

В «Мужике Марее» автор в тюрьме – в несвободном скованном состоянии – вспоминает детство перед рассказом о встрече с Мареем: «Мало-помалу я и впрямь забылся и неприметно погрузился в воспоминания. Во все мои четыре года каторги я вспоминал непрерывно всё мое прошедшее и, кажется, в воспоминаниях пережил всю мою прежнюю жизнь снова. <...> На этот раз мне вдруг припомнилось почему-то одно незаметное мгновение из моего первого детства, когда мне было всего девять лет отроду – мгновенье, казалось бы, мною совершенно забытое» (22; 47).

В памяти мальчика глубоко сохранилось это детское переживание, которое незаметно всю жизнь поддерживало его морально. Повествователь в своей встрече с Мареем отмечает: «Значит, залегла же она в душе моей неприметно, сама собой и без воли моей, и вдруг припомнилась тогда, когда было надо; припомнилась эта нежная, материнская улыбка бедного крепостного мужика, его кресты, его покачивание головой: “Ишь ведь, испужался, малец!”»

(22; 49). В связи с этим вспоминается отрывок из «Дневника писателя» за 1880 год – известное высказывание писателя о Татьяне в «Евгении Онегине» Пушкина. Там Достоевский, акцентируя в Татьяне «соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею», отмечает: «у ней и в отчаянии и в страдальческом сознании, что погибла ее жизнь, все-таки есть нечто твердое и незыблемое, на что опирается ее душа. Это ее воспоминания детства, воспоминания родины, деревенской глуши, в которой началась ее смиренная, чистая жизнь...» (26; 143).

Здесь чувствуется ориентация на осмысление воспоминания детства, которое у Достоевского представляет огромную силу, воспитывающую, образующую личность, поддерживающую ее даже в кризисе, в отчаянии: это «нечто твердое и незыблемое, на что опирается душа». Не только соприкосновение с природой, но и семейная жизнь, встреча, счастливое и радостное событие в детстве отпечатываются глубоко в памяти человека и остаются подспудно поводом, побуждающим его к определенному поступку.

Таким поводом служит для несчастной Катерины Ивановны в романе «Преступление и наказание» «похвальный лист». Он в романе появляется три раза. Первый раз читатель узнает о нем из исповеди Мармеладова: «похвальный лист до сих пор у ней в сундуке лежит, и еще недавно его хозяйке показывала. И хотя с хозяйкой у ней наибеспрерывнейшие раздоры, но хоть перед кем-нибудь погордиться захотелось и сообщить о счастливых минувших днях. И я не осуждаю, не осуждаю, ибо сие последнее у ней и осталось в воспоминаниях ее, а прочее всё пошло прахом! Да, да; дама горячая, гордая и непреклонная» (6; 15).

Второй раз «похвальный лист» появляется в сцене поминок по Мармеладову: Катерина Ивановна хвастается им для доказательства своего происхождения – «благородного», «можно даже сказать, аристократического» – и, опираясь на него, грезит о создании пансиона: «Похвальный лист этот, очевидно,

должен был теперь послужить свидетельством о праве Катерины Ивановны самой завести пансион» (6; 298).

Третий раз – в сцене смерти Катерины Ивановны: «И каким образом этот “похвальный лист” очутился вдруг на постели, подле Катерины Ивановны? Он лежал тут же, у подушки; Раскольников видел его» (6; 334).

«Похвальный лист» для Катерины Ивановны – символ ее «золотого времени» в воспоминаниях о юности, мечта, греза и единственное средство для «восстановления» себя в ее постоянно униженном положении. Вероятно, то же самое для Лизы в «Записках из подполья» – любовное письмо к ней от какого-то медицинского студента, которое она показала «подпольному». Он, хотя и циник, точно понял смысл внезапного поступка Лизы, комментируя его так: «Но всё равно; я уверен, что она всю жизнь его хранила бы как драгоценность, как гордость свою и свое оправдание, и вот теперь сама в такую минуту вспомнила и принесла это письмо, чтоб наивно погордиться перед мной, восстановить себя в моих глазах, чтобы и я видел, чтобы и я похвалил» (5; 163).

Для типа «подпольного» героя воспоминание означает совсем другое. Сама сюжетная структура повести «Записки из подполья» представляет собой воспоминание о его жизни и, к тому же оборотной стороны «живой жизни». По словам антигероя, подпольного человека, «мы все отвыкли от жизни <...>. Даже до того отвыкли, что чувствуем подчас к настоящей “живой жизни” какое-то омерзение, а потому и терпеть не можем, когда нам напоминают про нее» (5; 178).

Анализируя значение воспоминания или памяти вообще в творчестве Достоевского, нельзя пропустить ряд героев, для которых воспоминание или память представляются чем-то негативным, и даже – позором, стыдом и мучительным кошмаром. Таких персонажей у Достоевского больше, чем героев, у которых воспоминание носит положительный характер. Например, воспоминание Настасьи Филипповны о

девичестве пропитано позором и унижением, причиненным ей Тоцким, и определяет в дальнейшем противоречивость ее поступков. Николай Ставрогин, умевший «властвовать над воспоминаниями и стать к ним бесчувствен» (11; 21), в конечном счете замучился воспоминанием о Матрёше. Закладчик из «Кроткой» томился мрачным воспоминанием о потере репутации и выходе из полка. Это позорное прошлое побудило его к странным поступкам в отношении к кроткой жене.

В этом смысле показателен кошмарный сон Раскольников о забитой «клячонке», где он видит себя ребенком. Можно сказать, что это не простой сон, а очень близкое к реальности его собственное переживание: «он лет семи и гуляет в праздничный день, под вечер, с своим отцом за городом. Время серенькое, день удушливый, местность совершенно такая же, как уцелела в его памяти: даже в памяти его она гораздо более изгладилась, чем представлялась теперь во сне» (6; 46). Этот сон Раскольникова несомненно связан с воспоминанием самого Достоевского о юности в «Дневнике писателя» за январь 1876 года – в «эпизоде с фельдьегерем»: «Эта отвратительная картинка осталась в воспоминаниях моих на всю жизнь. Я никогда не мог забыть фельдьегера и многое позорное и жестокое в русском народе как-то поневоле и долго потом склонен был объяснять уж, конечно, слишком односторонне. <...> Картина эта являлась, так сказать, как эмблема, как нечто чрезвычайно наглядно выставлявшее *связь причины с ее последствием*» (22; 29, курсив наш – Т.К.).

Автор замечает: «Наши дети воспитываются и возрастают, встречая отвратительные картины. Они видят, как мужик, наложив непомерно воз, сечет свою завязшую в грязи клячу, его кормилицу, кнутом по глазам, или, как я видел сам, например, да еще и недавно, как мужик, везший на бойню в большой телеге телят, в которой уложил их штук десять, сам преспокойно сел тут же в телегу на теленка. Ему сидеть было мягко, точно на диване с пружинами, но теленок, высунув язык и

вылупив глаза, может, издох, еще не доехав до бойни. <...> такие картинки, несомненно, зверят человека и действуют развратительно, особенно на детей» (22; 26 – 27).

Достоевский увидел в воспоминаниях «связь причины с ее последствием» и был глубоко озабочен влиянием этих последствий на воспитание и образование детей.

В «Дневнике» за 1876 – 1877 год Достоевский освещает дела Кронеберга и родителей Джунковских и одновременно рассуждает о «случайном семействе». При этом писатель озабочен вопросом влияния впечатления, памяти детей на их будущее. В связи с делом Кронеберга («отец высек ребенка, семилетнюю дочь, слишком жестоко») писатель сомневается в справедливости обвинительного приговора отцу с возможностью ссылки в Сибирь: «Спрашивается, что осталось бы у этой дочери, теперь ничего не смыслящего ребенка, потом в душе, на всю жизнь, и даже в случае, если б она была потом всю жизнь богатою, “счастливою”? Не разрушено ли б было семейство самим судом, охраняющим, как известно, святыню семьи?» (22; 51). К тому же Достоевский озабочен открытием перед публикой «секретных пороков ребенка», семилетнего: «какой-то след непременно останется на всю жизнь. И не только в душе ее останется, но, может быть, отразится и в судьбе ее» (22; 51).

По поводу дела Джунковских (родителей, обвиняемых в жестоком обращении с тремя малолетними детьми в возрасте тринадцати, двенадцати и одиннадцати лет и тем не менее оправданных) Достоевский, указывая на типичность такого преступления в русских семействах, где оно часто считается «чрезвычайной обыкновенностью, обыденностью» (25; 181), пронизательно усматривает в них тип «ленивого семейства», за возникновение которого, по словам писателя, ответственны ленивые отцы, которых «несравненно больше», чем «прилежных» в эпоху «разлагающегося состояния общества», порождающего «леность и апатию». По поводу возникновения «случайного семейства» отмечается: «при лености отцов к семейству,

детки уже в высшей степени оставлены на случайность! Нужда, забота отцов отражаются в их сердцах с детства мрачными картинами, воспоминаниями иногда самого отвратительного свойства» (25; 180).

Здесь внимание писателя опять сосредоточивается на влиянии памяти, воспоминания на будущую жизнь детей: «Дети вспоминают до глубокой старости малодушие отцов, ссоры в семействах, споры, обвинения, горькие попреки и даже проклятия на них <...>. И долго потом в жизни, может, всю жизнь, человек склонен слепо обвинять этих прежних людей, ничего не вынеся из своего детства, чем бы мог он смягчить эту грязь *воспоминаний*...» (там же). Беспокойство Достоевского идет дальше: «ведь большинство-то их уносит с собою в жизнь не одну лишь грязь воспоминаний, а и самую грязь, запасется ею даже нарочно, карманы полные набьет себе этой грязью в дорогу, чтоб употребить ее потом в дело и уже не с скрежетом страдания, как его родители, а с легким сердцем...» (там же).

Так, беспокоясь о деградации общества, писатель утверждает: «Без зачатков положительного и прекрасного нельзя выходить человеку в жизнь из детства, без зачатков положительного и прекрасного нельзя пускать поколение в путь» (25; 181).

Одна из главных тем «Дневника писателя» за 1876 – 1877 гг. заключается в осмыслении воспоминания, в частности, детского, и она корреспондирует с одной из главных идей романа «Братья Карамазовы».

Из всех героев «случайной семейки» Карамазовых именно Алёша придает исключительное значение воспоминанию, памяти младенчества для дальнейшей жизни человека. Это воспоминание о лице его матери, запечатлённое в ребячьей памяти: «оставшись после матери всего лишь по четвертому году, он запомнил ее потом на всю жизнь, ее лицо, ее ласки, «точно как будто она стоит предо мной живая»» (14; 18). Здесь повествователь подчеркивает глубокое значение воспоминания младенчества: «Такие воспоминания могут запомниться (и

это всем известно) даже и из более раннего возраста, даже с двухлетнего, но лишь выступая всю жизнь как бы светлыми точками из мрака, как бы вырванным уголком из огромной картины, которая вся погасла и исчезла, кроме этого только уголочка» (там же).

Повествователь намекает даже на возможность выбора Алешей пути в монастырь как следствия воспоминания младенчества: «Из воспоминаний его младенчества, может быть, сохранилось нечто о нашем подгородном монастыре, куда могла возить его мать к обедне. Может быть, подействовали и косые лучи заходящего солнца пред образом, к которому его протягивала его кликуша-мать. Задумчивый он приехал к нам тогда, может быть, только лишь посмотреть <...> и – в монастыре встретил этого старца ...» (14; 25 – 26).

Таким образом, воспоминание младенчества повлияло на судьбу Алеши. Отмечу, что в противоположность младшему брату, Иван и Дмитрий лишены детских воспоминаний. Даже странно, что у Ивана, который всего на три года старше Алеши, имеющего с ним одну мать, не осталось никакого воспоминания о ней. Возможно, что просто по складу ума Ивана для него ничего не значило воспоминание детства.

В конце рассмотрения нашей темы отметим одну глубокую сторону идейной сущности романа «Братья Карамазовы»: речь идет об антропологии писателя. Старец Зосима высказывается по поводу встречи со священной историей в детстве: «Из дома родительского вынес я лишь драгоценные воспоминания, ибо нет драгоценнее воспоминаний у человека, как от первого детства его в доме родительском, и это почти всегда так, если даже в семействе хоть только чуть-чуть любовь да союз. Да и от самого дурного семейства могут сохраниться воспоминания драгоценные, если только сама душа твоя способна искать драгоценное» (14; 263 – 264).

Как будто во исполнение завета Зосимы, звучит в самом конце романа известная речь Алеши у камня перед мальчиками: «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и

здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение» (15; 195).

Здесь мы слышим последнее слово-наказ

Федора Михайловича: «Воспоминание спасет человека!» И вслед за этим слова Алеши Карамазова про покойного Илюшу – «Не забудем же его никогда, вечная ему и хорошая память в наших сердцах, отныне и во веки веков! <...> И вечная память мертвому мальчику!» – приводят нас к светлой мысли, что силами памяти, воспоминания возможно даже воскрешение из мертвых. По словам Алеши, все мы «непрерывно восстанем, непрерывно увидим и весело, радостно расскажем друг другу всё, что было» (15; 196 – 197). «Воспоминание» в творчестве Достоевского служит важным мостом между двумя мирами.